

zawierający frazy zaczerpnięte – według wszelkiego prawdopodobieństwa – z ówczesnego dyskursu pogańskiego. W literaturze naukowej na temat słowiańskiej kultury duchowej funkcjonuje więcej tego typu hipotez, tym bardziej na uwagę zasługuje przeanalizowany tu fragment, w którym fenomen ‘mówienia religijnego’ został uchwycony niejako ‘ad hoc’, co jest interesujące zarówno z punktu widzenia związków intertekstualnych, jak i w kontekście etnolingwistycznych badań nad językiem i tradycyjną kulturą duchową Słowiańszczyzny.

LITERATURA:

1. Mansikka V. J., *Die Religion der ostslaven*, I. Quellen, Helsinki 1922.
2. Matasović R., *A Theory of Textual Reconstruction in Indo-European Linguistics*, Frankfurt/M., New York 1996.
3. Matusiak S., *Volksthümliches aus dem Munde der Sandomierer Waldbewohner*, "Archiv für slavische philologie", Berlin 1881.
4. Powierski J., *Z badań nad mitologią balto-słowiańską*, „Slavia Antiqua” t. 24, 1977.
5. Simms D., *Reconstructing an Oral Tradition: Problems in the Comparative Metrical Analysis of Old English, Old Saxon and Old Norse Alliterative Verse*, The University of Texas at Austin 2003.
6. Watkins C., *How to kill a dragon: Aspects of Indo-European Poetics*, New York and Oxford 1995.
7. Васілевіч У., *Зимная дарога ў вырай: Беларuskія народныя прыкметы і павер’і*, кн. 3, Минск 1999.
8. Древлянский П., *Белорусскія народныя преданія*, "Журналь министерства народнаго просвещения. Прибавления", Санктпетербургъ 1846.
9. Иванов В. В., Топоров В. Н., *Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*, Москва 1974.
10. Рыбаков Б.А., *Язычество древней Руси*, Москва 1987.
11. Судник Т.М., *Материалы к белор. р’аріў, лит. parkūnas в связи с архаичными представлениями*, In: *Balkanica. Лингвистические исследования*, Москва 1979.
12. Топоров В. Н., *Предистория литературы славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу славянских литератур)*, Москва 1998.
13. Топоров В. Н., *Исследования по этимологии и семантике*, т. I, Москва 2000.
14. Трубачев О.Н., *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*, Москва 2002.
15. Филарет, *Святые южныхъ славянъ. Опытъ описанія жизни ихъ*, Черниговъ 1865.

Игорь ПАПУША

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРРАТИВНЫХ ТИПОЛОГИЙ

Нарратология при всей очевидности изучаемого предмета (феномена нарративности) является неоднородной сферой исследовательских практик. Сложившись в конце 60-х годов как научная дисциплина в рамках структурализма, нарратология с одной стороны ретроспективно актуализировала предыдущие теоретические наработки в сфере изучения повествовательных текстов (античные и восточные поэтики), так и предложила ряд новых подходов к изучению явления повествовательности в парадигме постструктурализма.

Поэтому в *диахроническом* (а также во многом и *эпистемологическом*) аспекте нарратологические подходы целесообразно разделять на *доструктуралистские* (англо-американские теории Г.Джеймса, П.Лаббока, Н.Фридмана, В.Бута; немецкоязычные типологии К.Фридемана, Г.Мюллера, Э.Ламмерта, Ф.Штанцеля), *структуралистские* (построения Цв.Тодорова, Р.Барта, К.Бремона, А.Греймаса, Ж.Женетта, М.Баль, С.Четмена, Ю.Лотмана, Б.Успенского) и *постструктуралистские* (А.Нюннинга, М.Яна, М.Флюдерник, Д.Германа,

Д.Кон).

Дифференциация нарратологии традиционно производится также по **объему** понятия. Обычно "нарратология" как термин употребляется сегодня в двух разных смыслах. Одни исследователи употребляют его в узком смысле - как развитие повествовательной теории, возникшей в конце 60-х годов во Франции под эгидой структурализма. Другие ученые употребляют его очень широко - как совокупность всех теорий, занимающихся повествованием.

Принципиальным также является разделение нарратологии по **объекту** исследования. Здесь совершенно четко выделяются нарратологически ориентированные *теории жанров* (М.Бахтин, В.Пропп, Б.Эйхенбаум, В.Буг, Н.Фридман, Т.Павел), теории прозы (Ж.Женетт), *теории повествовательного синтаксиса* (А.Греймас, Р.Барт, Ю.Лотман, Дж.Принс), *теории "точки зрения"* (Б.Успенский, М.Баль, Ж.Женетт) *теории фикциональности* (К.Фридемман, Ф.Анкерсмит, Д.Кон), *трансмедиальные теории* (Ю.Лотман, М.-Л. Раян).

Вместе с тем, функционирующие в современной нарратологии разграничения представляются недостаточными для адекватного понимания существующих нарратологических практик и построений. Необходим **методологический** анализ нарративных типологий с выявлением онтологии объекта, гносеологической позиции исследователя, а также методики исследования. Мы предлагаем опыт такого методологического анализа с позиции прагматического функционализма (антропоцентризма, реляционизма и прагматической телеологии).

В теории повествования обычно под термином "нарративная типология" понимают типологическое представление повествовательных форм. Но вместе с тем конструирование нарративных типологий проходило в течение всего XX века обычно в сфере одного жанра - романного повествования, поскольку все они строились на материале романа XIX-XX веков - начиная от теории Перси Лаббока, Нормана Фридмана и Франца Штанцеля до Яна Линтвельта. Поэтому под нарративными типологиями в данном случае следует понимать типологии романного нарратива.

Для того, чтобы сравнивать между собой теоретические конструкты эстетических объектов, следует предварительно привести их к некоему знаменателю, определившись с языком описания, а фактически - метаязыком. Наиболее адекватным нам представляется терминологический аппарат, предложенный Жераром Женеттом в работе "Повествовательный дискурс" [2]. Как известно, Женетт, исходя из постулата о гомологии языка и литературы, то есть возможности редуцировать повествовательное высказывание до его предикативного центра, предложил лингвистическую метафору повествования: рассмотрел нарратив в категориях глагола (времени, наклонения и залога).

Действительно, любое гуманитарное явление (в том числе и повествовательный текст) парадигматически может быть рассмотрено в категориях субстанции, процесса, атрибута, обстоятельства, а синтагматически - в категориях события и его составляющих: процесса, субъекта, объекта, свойства, обстоятельства.

Обратим внимание также, что в отличие от других нарратологов англо-американской и французской традиций, представлявших нарратив бинарно, как историю и дискурс, Женетт предложив тернарную структуру нарратива, выделив объект повествования (историю), повествование-процесс (наррацию) и повествование-результат (дискурс). Данная схема не может не напоминать сосюрсовско-щербовскую формулу выделения в пределах языковой деятельности (langage) языка (langue), речевой деятельности (parole) и речи-результата (text). Эта логическая формула может стать универсальной схемой любого социокультурного и социально-психологического явления.

Гносеологически теория Женетта является реляционистской, поскольку он представляет нарративные явления не как субстанции, а как отношения. Ученый утверждал: "Анализ повествовательного дискурса сводится для нас, по существу, к исследованию *отношений* между повествованием и историей, между повествованием и наррацией, а также между историей и наррацией" [2, с. 66]

Таким образом, категории нарративного времени (т.е. проблемы порядка, повторяемости и темпа повествования), наклонения (модальности, т.е. дистанции и перспективы как способов регулирования повествовательной информации) и залога (а именно - времени, лица и уровня повествования) являются для нас предварительно тем концептуальным полем, в котором формируются исследуемые нами нарративные типологии.

Обращает на себя внимание то, что конструктивным принципом для всех известных в нарратологии типологий был комбинаторный. Типология строилась обычно как комбинация нескольких парных категорий, в результате чего исследователь получал определенный тип

романного повествования.

Так, уже одной из первых типологий Перси Лаббок [15], исходя их оппозиции мимесиса и диегесиса (то есть показа и рассказа), выделил в категории *модуса* два базовых способа презентации истории - сцену и панораму. В категории "голос" Лаббок представляет оппозицию авторской и персонажной дискурсивной компетенции: иногда "автор говорит своим собственным голосом", а иногда говорит голосом персонажа" [15]. В категории способа повествования исследователь противопоставляет картину и драму. В результате комбинации представленных категорий Лаббок получает четыре повествовательных романских *типа*: панорамный обзор, драматизированный повествователь, драматизированное сознание и чистая драма. Нельзя сказать, что способ комбинирования заявленных категорий был прозрачным и последовательным, но даже из принципа их выделения можно сделать вывод, что английский литературовед разрабатывал главным образом проблемы нарративной модальности (а именно дистанции и перспективы: оппозиции свой голос/чужой голос, показ/рассказ, драма/картина, за которой ученый закрепил фактически, выражаясь в терминологии Женетта, внешнюю и внутреннюю фокализацию), а также частично залога (категория лица). Проблемы же повествовательно *времени* (аспекты порядка, повторяемости и темпа, то есть фактически весь нарративный синтаксис) остаются за пределами Лаббоковской типологии.

Продолжая традиции Лаббока, Норман Фридман [13] разработал типологию, противопоставляющую *субъективный рассказ - объективному рассказу*, а фактически (в терминологии Женетта) комбинирующую категории присутствия/отсутствия повествователя внутри рассказываемой истории и внешней/внутренней фокализации, выстраивая семь нарративных форм: редакторское всезнание, нейтральное всезнание, я как свидетель, множественное частичное всезнание, частичное всезнание и драматический модус. По большому счету типология Фридмана является типологией романских повествовательных форм в аспекте точки зрения.

Ключевым понятием в типологии Франца Штанцеля [19] является *повествовательная ситуация*, конститутивными элементами которой, по мнению ученого являются такие категории как способ, лицо и перспектива. Под *способом* австрийский нарратолог понимает "сумму всех возможных разновидностей повествовательных форм, расположенных между двумя полюсами рассказчика и отражателя (рефлектора): собственно наррация в оппозиции к прямой или непрямой презентации" [19, с. 48]. Фактически речь идет об известной нам по другим типологиям оппозиции рассказа/показа - диегесиса / мимесиса.

Лицо - второй конститутивный элемент типологии Штанцеля - основан на отношениях между повествователем и персонажами [19, с. 48]. Здесь множество возможностей - по мнению ученого - снова определяется двумя крайними позициями. Либо повествователь существует в качестве персонажа внутри вымышленного мира романа, либо существует вне его [19, с. 48]. Если проинтерпретировать представленную оппозицию в терминологии Женетта, то речь идет об оппозиции гетеродиегетического и гомодиегетического повествования, рассмотренной французским исследователем в категории залога.

И, наконец, третий конститутивный принцип - *перспектива* - "направляет, - считает Штанцель, - внимание читателя на путь восприятия вымышленной реальности" [19, с. 49]. В сущности мы имеем дело с оппозицией внешней и внутренней фокализации. Опять таки с помощью комбинирования ключевых концептов Ф.Штанцель строит тетральную типологию повествовательных ситуаций, среди которых аукториальная, персонажная и Я-повествовательная.

Совершенно очевидно, что австрийского ученого также не интересовали вопросы, связанные с категорией повествовательного времени, а следовательно и нарративного синтаксиса. В центре его внимания оказались проблемы модальности (категории способа и перспективы) и залога (лицо).

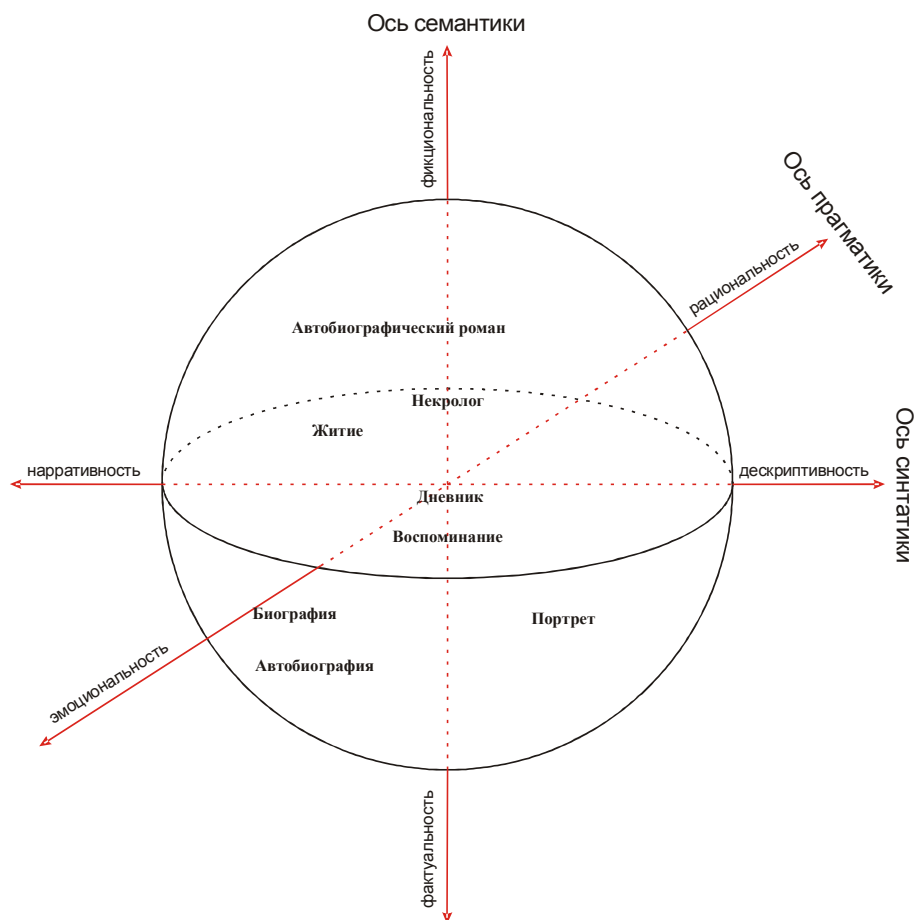
В связи с этим возникает вопрос, возможна ли нарративная типология, представляющая не только определенный повествовательный жанр (например, роман), и не только отдельные аспекты нарративного устройства, но все без исключения повествовательные жанры в целостности своего функционирования. Мы считаем, что подобную типологию следует строить исходя из семиотических представлений о знаке на основе функционально-прагматической методологии.

В семиотике уже стало традиционным выделение трех аспектов знака - семантики, синтактики и прагматики. Отношение знака к обозначаемому объекту обычно называется семантикой знака, отношение знака к другим знакам (в системе или в тексте) - синтактикой, а отношение знака к интенции (цели) - прагматикой.

Относительно семантики знака следует уточнить, что любой знак является знаком лишь благодаря тому, что он что-то означает, иными словами, относится к чему-то, лежащему вне знака. Следовательно, значение есть не сущность, а отношение [3, с. 19]. С семантической стороны знак соотносится не с реальными предметами опыта, а лишь с единицами картины мира. Поэтому в аспекте семантики повествовательные тексты можно проинтерпретировать в терминах фактуальности/фикциональности. Ведь за исключением нескольких формальных признаков (на которых заостряет внимание Кэте Хамбургер, Жерар Женетт и Вольф Шмид), практически невозможно определить, является текст фактуальным или фикциональным. Исходя из коммуникативной ситуации текст можно только *считать* фактуальным или фикциональным, то есть определенным образом *относиться* к нему.

Для каждого знака релевантно не только то, что он означает (семантика), но и синтаксические аспекты - то, как и с какими другими знаками может сочетаться в семиотическом дискурсе, и в какие классы знаков входит, как он может быть сигнально выражен и какие возможные варианты его сигнальной репрезентации, какова его внутренняя структура, с какими знаками он связан генетически. Основой же семиотического опыта является прагматика знака. Прагматику можно представить как основное онтологическое свойство знака, реализующееся через семантику и синтактику [3, с. 21].

Учитывая сказанное, предлагаем типологию нарративных жанров в виде сферической типологизации. При трехмерном восприятии пространства идеальной фигурой для такой типологии является сфера. Представим различные типы высказывания, то есть жанры-знаки в виде точек в координатах трех осей - семантики, синтактики и прагматики. Возьмем в качестве примера жизнеописательные жанры (см. модель).

Ось семантики строится на оппозиции фикциональности/фактуальности, ось синтактики строится на оппозиции наррации/описания, а ось прагматики строится на оппозиции рациональности/эмоциональности.

Всякий повествовательный жанр как тип высказывания может быть размещен в виде точки на семантической оси (шкале) с учетом нарастания/убывания качества фикциональности.

В связи с проблемой фактуальности/фикциональности повествовательного текста, представляющего собой двойную событийность - дискурсивную и референтную, - представляется целесообразным на онтологическом уровне разделить все события на *энергоматериальные*, являющиеся, перефразируя определение природы И.Канта, "объектами возможного опыта" и *информационные*, существующие в опыте. Таким образом, референтные события повествовательного текста могут интерпретироваться креативной и рецептивной инстанциями как *существующие* (фактуальные) или как *бытующие* (фикциональные). *Существование* с точки зрения функциональной методологии можно определить как отношение соответствия между энергоматериальными и информационными событиями, а *бытование* - это отношение соответствия между информационными событиями. Поскольку эти отношения устанавливаются субъектом опыта (человеком), то вполне возможны разногласия между определением некоего события как существующего или бытующего, то есть фактуального или фикционального [3, 23].

Жанр-знак можно поместить на оси синтактики с учетом свойства нарративности/описательности. По нарратологическим представлениям наррация и опись представляют собой разновидности текстов, где в случае наррации происходит репрезентация событий, а в случае описания наблюдается идентификация характеристик места, объекта или лица. В теории Ж.Женетта повествование и описание специфицируют повествовательный темп: резюме и паузу. В терминологии Р.Барта нарративные единицы соотносятся с функциями, а описательные единицы - с индексами.

Комбинация и последовательность этих классов единиц повествовательного текста представляет аспект синтаксической синтактики. Принадлежность к классу функций или индексов образует системную синтактику, варианты сигнальной репрезентации элементов наррации образует сигнальную синтактику, а изучение внутренней структуры указанных элементов образует синтактику структурную [3, 23]. Как видим, относительно повествовательного текста (как впрочем и любого семиотического объекта) синтаксический аспект знака следует понимать шире, чем простое синтагматическое соотношение элементов.

Особо следует отметить, что опись является не просто украшающим способом характеристики окружения или персонажей. Представляется возможным выделение переходных форм - *нарративизированного описания* или *описательной наррации*. К примеру, описательный эпизод приобретает нарративные свойства, если он мотивирован повествовающими или воспринимающими персонажами истории. И наоборот: эпизод, кажущийся чистой наррацией, может функционировать как опись, если не является частью сюжетной линии [12, с 32].

Соответственно жанр может быть локализован и на оси прагматики, которая конструируется оппозицией рационального/эмоционального. В Тезисах Пражского лингвистического кружка представлена идея двух типов речевой деятельности: "В своей социальной роли речевая деятельность различается в зависимости от связи с внелингвистической реальностью. При этом она имеет либо функцию общения, то есть направлена к означаемому, либо поэтическую функцию, то есть направлена к самому знаку" [7, с. 25]. Используя лингвистическую метафору, можно сказать, что направленность речи на "означаемое" сравнимо с направленностью нарративной деятельности на утилитарное или информационное освоение предмета. Такой способ обработки данных опыта можно назвать *рациональной рефлексией*. Направленность же речи на сам знак, подчинение его себе и переживание этого отношения можно назвать *эмоциональной рефлексией*.

В сущности именно прагматическая установка креатора-реципиента задает и синтаксические характеристики, и семантические особенности нарратива.

Таким образом, методологический анализ нарративных типологий возможен на основе лингвистической метафоризации повествовательного акта в категориях глагола, а построение типологии повествовательных жанров представляется возможным на семиотической основе с помощью сферической типологии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Людмилы

- Зиминой. - М.: Академический Проект, 2004. - 368 с.
2. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры. В 2-х томах. - Т. 2. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. - С. 60-281.
 3. Лещак О. Онтология семиотического опыта (функционально-прагматический взгляд) // *Respectus Philologicus*. 2004. - 5 (10). - p. 15-28.
 4. Лещак О.В. Очерки по функциональному прагматизму: Методология, онтология, эпистемология. - Тернополь, Кельце, 2002. - Підручники і посібники, 2002. - 255 с.
 5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике //Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. - М.: Гнозис, 1994. - С. 17-264.
 6. Пропп в. Морфология волшебной сказки. - М.: Лабиринт, 2003. - 144 с.
 7. Тезисы Пражского лингвистического кружка //Пражский лингвистический кружок: Сборник Статей. - М., 1967. - С. 25
 8. Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. - М.: Искусство, 1970. - 224 с.
 9. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Сост. и вступ. ст. Г.К.Косикова. - М.: Прогресс, 2000. - 534 с.
 10. Шмид В. Нарратология. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 312 с.
 11. Bal M. *Narratology. Introduction to the Theory of Narrative*. Second edition. - Toronto: University of Toronto Press, 2002. - 254 p.
 12. Chatman S. *Coming to Terms: The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film*. - Ithaca and London: Cornell University Press, 1990. - 241 p.
 13. Friedman N. *Form and Meaning in Fiction*. - Athens: The University of Georgia Press, 1975. - 420 p.
 14. Lintvelt J. *Essai de Typologie Narrative le 'Point de Vue'*. - Paris: Labraire Jose Corti, 1981. - 315 p.
 15. Lubbock P. *The craft of Fiction*. - New York: C. Scribner's, 1921. - 277 p.
 16. Prince G. *A Grammar of Stories. An Introduction*. - Paris: Mouton, 1973. - 106 p.
 17. Prince G. *Narratology. The Form and Functioning of Narrative*. - Berlin, New York, Amsterdam: Mouton Publishers, 1981. - 184 p.
 18. Rimmon-Kenan Sh. *Narrative Fiction. Contemporary Poetics*. - London, New York: Routledge, 2002. - 192 p.
 19. Stanzel F. *A Theory of Narrative* / Transl. by Charlotte Goedsche. - Cambridge: Cambridge University Press, 1982. - 309 p.
 20. Stanzel F. *Narrative Situations in the Novel Tom Jones, Moby-Dick, The Ambassadors, Ulysses* / Transl. by James P. Pusack. - Bloomington, London: Indiana University Press, 1971. - 186 p.